

Ваша предыдущая телевизионная программа «Наедине с Петром Великим», как и удостоенный Государственной премии роман «Вечера с Петром Великим» оказались актуальны для России, которая заново учится любить государственных мужей. Но блокадная тема — насколько она сегодня к месту и может ли она рассчитывать на столь же мощный резонанс?

— В свое время, когда вышла из печати «Блокадная книга», она вызвала немало обсуждений и разговоров. Блокада до этого преподносилась как героическая эпопея, как подвиг, а здесь показывались страдания и муки людей. К первому изданию цензура предъявила 60 изъятий — запретила рассказывать о «ленинградском деле», которое тоже связано с блокадой, о людоедстве. Часть мы отстояли, а большую часть купюр пришлось сделать. Но сейчас мы не просто говорим то, что не имели права сказать раньше. Многие в новом цикле не по «Блокадной книге», а вообще о блокаде.

— Как и героем одной из ваших повестей, комбатом, вами двигало чувство долга — еще раз вернуться, рассмотреть, проверить, понять?

— Не совсем так. Кроме трагедии и героической эпопеи блокада еще и преступление, причем с двух сторон. Многие могли предотвратить наци военачальники, и мы в «Блокадной книге» приводим документы, связанные с попыткой Микояна перенаправить сюда эшелоны с продовольствием. Жданов от них отказался. Это один мотив преступления, есть и другие — почему не была осознана угроза окружения, почему сразу велась агитация «Ленинградцы не покинут город», почему по-настоящему не была организована эвакуация, пока в город не прибыл Косыгин как уполномоченный ГКО? Но есть и другая сторона блокады, внешняя сторона. Это то преступление, которое совершил Гитлер и командование 18-й армии. Собственно говоря, почему не открыли выход гражданскому населению?

— **Вопрос для той войны неприемлемый. Не припомню, чтобы немцы вообще кому-то открывали в такой ситуации выход...**

— Это мой вопрос. Лично мой. И это безответный вопрос. Вы не можете припомнить, потому что не было аналога ленинградской блокады. Зачем было железное кольцо сжимать, доводить до гибели стольких людей? Да, есть чудовищная жестокость Гитлера, его паранойя. Но в Германии в прошлом году третьим изданием вышла книга немца Стахова «Трагедия на Неве». Ее автор в 18 лет пошел в армию и воевал как раз напротив меня — Пушкин, Пулков. Он пишет с большим полемическим запалом: да, были жестокости, но их творили эсэсовцы, а вермахт — это солдаты, которые выполняли приказ и воевали, как положено солдатам. Если воевали солдаты с солдатами, почему было не открыть ворота? Стахов в своей книге пытается доказать: «Мы не знали, что в Ленинграде голод». Но это вранье! Они брали пленных, были перебежчики. Я помню, как немцы кричали: «Рус, сдавайся, приходи, бери булку, хлеб». Они прекрасно знали о голоде.

ОТДЕЛЕННЫЕ ОТ РЕЖИМА

— **Выход книги Стахова укрепил решимость вернуться к блокадной теме?**

— Нет, в этом цикле передач мне хотелось рассказать о нравственных конфликтах и проблеме. Город во время блокады был отделен от Большой земли, и это создавало особый климат. Власть слабо проявлялась, ее главной задачей было обеспечить хлебом, продуктами. И Ленинград блокадный как бы впервые очнулся, хотя бы немножко, от сталинского режима. Пропанды не было — ра-

Даниил ГРАНИН:

«Надеюсь, мы добавили правды»

Вслед за публикацией запрещенных ранее глав из «Блокадной книги» (журнал «Дружба народов» №11) на телеканале «Культура» выходит новый цикл авторских передач знаменитого писателя



Даниил Гранин

дио не работало, газеты почти не выходили. Люди ослепли и начали мыслить уже самостоятельно. И это, как ни странно, очень гуманизировало город. Человек человеку действительно становился другом. Были, конечно, и мародеры, все что угодно. Но общим было ощущение того, что мы едины, должны друг другу помочь. Хотя чем мог помочь один блокадник другому? Поднять человека упавшего, предложить кружку кипятка или корку хлеба, не больше...

— **Почему вам это интересно сегодня?**

— Потому что нынешнее отношение людей друг к другу, отношения сытых горожан гораздо более черствые и холодные. А тогда как-то вдруг ощутились родственные отношения. Браты, сестры, племянники, родители, чувство долга перед своими родными, желание помочь. Мы целую передачу посвятили удивительному мальчику Юре Рябинкину. Работе его свести, мукам его, когда он по дороге из булочной не мог удержаться и съел довесок хлеба, который нес маме и сестре. Или вот у нас в «Блокадной книге» была одна из героинь, Наталья Сидоровна Петрищева, которая была почтальоном в блокаду. Почта работала в страшных условиях — тащились на почтамт, грузили там мешок с письмами, везли в район и здесь начинали разносить по адресам. Тогда ящики внизу не висели, нужно было нести в квартиру, и вот она по этим ступенькам карабкалась, чтобы донести письмо. Где-то были уже все мертвые, где-то полуживые, она читала им письма, а ведь могла и не носить. Могла выбросить, могла печку растапливать, но ей это и в голову не приходило. Знаете, что самое поразительное? Когда мы с Адамовичем пришли записывать ее рассказ, Наталья Сидоровна жила на кухне коммунальной квартиры — какую-то там перегородку поставили... И вот девочку наши с телеканала «Культура», передачу готовившие, отыскали

ее. Она жива-здоровая, ей около 85. Веселая, энергичная, ни на что не жалуется, а живет там же, в тех же условиях. Хотя награждена была орденом Ленина, высшей наградой, — для почтальона событие неслыханное.

— **А многих вообще удалось разыскать?**

— Некоторых удалось, но мы даже всех не вводили в передачу. Хотя сейчас я думаю, что следовало разыскать этих людей как можно больше, посмотреть, как они живут. Мы забыли о блокадниках. Вспоминаем ко дню снятия блокады, прививали к ветеранам войны, дали льготы, но по-настоящему — забыты эти люди. Сколько приезжало людей в Ленинград после войны, получали квартиры. А Наталья Сидоровна продолжает жить все там же и так же. Я за голову схватился, когда узнал. Что это? Что это за власть?

ЧЕРТУ ПУСТЬ ПОДВОДЯТ ИСТОРИКИ

— **После катастрофы «Курска» вы назвали нашу страну «страной неубывающей лжи». Новая передача как-то поможет потоки этой лжи уменьшить?**

— Я не знаю, как будет принят этот цикл, но я видел, как героически работал коллектив во главе с Беллой Алексеевной Курковой. Мы считали, что можем, как говорят, какой-то добавить правды. Хотя всего не знаем до сих пор. Архивы Министерства обороны во многом закрыты, только недавно стали публиковаться истинные — как нас уверяют — цифры потерь. Мы понятия не имеем, что творилось за кулисами Кремля, только по слухам можем судить, как жили во время блокады члены Военного совета, не знаем, какова была роль Жданова. Мы не знаем и подлинные причины ужасного «ленинградского дела», в ходе которого были репрессированы почти все руководители блокадного города. Возможно, режим среагировал на то, что в условиях отъединенности от цент-

ральной власти люди были предоставлены самим себе и стали более свободны. Наряду с гипотезой, что боролись за власть Вознесенский, Кузнецов, Попков, с одной стороны, и Берия, Маленков, Булганин — с другой, есть и то, что нужно было освежить страх. Очень распоясались.

— **Вы почти 12 лет писали роман о Петре Великом, второй раз за четверть века возвращаетесь к блокадной теме. С таким упорством, нет ли у вас желания подвести под блокадной темой черту, когда откроются новые данные?**

— Я не историк и не ставлю перед собой таких задач. Меня волнует другое — например, вопрос: что хотел в действительности Гитлер сделать с Ленинградом? Есть ряд документов, которые свидетельствуют: Гитлер хотел все взорвать. Но ему не хватило бы всей германской взрывчатки, чтобы такую идею осуществить. Думаю, квалифицированные работники немецкого Генштаба это понимали. Или вопрос «взаимной ответственности». Да, война была грязной с обеих сторон. Но одно дело, когда немцы входили к нам — сытые завоеватели Европы, и другое дело — когда мы входили к ним, потеряв миллионы людей, измученные войной, увидев всю гнусь эсэсовских карательных команд, это совершенно разные состояния. Ленинградский период, период блокады — наиболее чистый в этой войне.

— **А людоедство?**

— Оценивать эти вещи можно и нужно неоднозначно. Я в передаче рассказываю о женщине, у которой в блокаду были дочка и сын. Мальчик умер. У женщины не было сил похоронить его, и она положила трупик между окнами. И, когда дочка тоже стала помирать, она стала отрезать кусок за куском от мальчика, варить бульон и кормила дочь. И выходила ее, и эта дочка жива! Мы поклялись, что не скажем ничего — дочка ничего об этом не знает. И что же — можно эту женщину судить за людоедство?

ПРАВОЕ ДЕЛО, А НЕ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

— **В цикле передач нашлось место вашим личным воспоминаниям о Ленинградском фронте?**

— Режиссеры захотели, чтоб я рассказал свое — как воевал, каким видел блокадный город из окопов под Пушкином. Мы поехали туда, где стояла моя часть. Я попробовал отыскать нашу линию окопов, землянки. Кое-что сохранилось. Но странная вещь — это поле в Шушарах перед Пушкином так и осталось диким, незастроенным. До сих пор живы окопы, обложенные жердями, брустверы, есть ячейки для стрелков. Силуэт города, конечно, другой, но, если посидеть там два-три дня, начинаешь различать, что к чему. А вспоминались главным образом вещи, которые я не включил в передачу и в книги мои тоже не вошедшие. Например, когда заняли немецкую высоту «0,5», мы в землянке немецкой нашли туалетную бумагу. И не знали, что это такое. Притащили с собой, потому что бумаги не было, а табак выдавали, и газеты все шли на самокрутки. И вот кто-то потом сказал, что это туалетная бумага. Между прочим, это возмутило нас — воюют тут, сволочи, с туалетной бумагой, а мы лопухами подтираемся. Кстати, одним из личных открытий, сделанных мною во время работы над циклом передач, было ощущение исторической справедливости. С первого дня войны и в самые страшные ее дни было ясное ощущение — мы победим. Лозунг «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами» выражал самую суть происходящего. И мы выиграли, хотя, вообще говоря, должны были проиграть. Мы победили не потому, что защищали советскую власть, Ленина — Сталина, социализм и «завоевания революции», а потому, что на нашей стороне была справедливость, и именно она не позволила нашим людям «расчеловечиться» в массе своей.

— **Каким было другое открытие?**

— Если смотреть на блокаду нынешними глазами, из нашей жизни, становится видно, что в экстремальных условиях человек возвращается к самому себе. Все то наносное, что делает пропаганда, даже такая мощная, как советская, весь идеологический пресс не в состоянии загубить человеческое в человеке.

— **Нужно ли кому-нибудь сегодня в России такое открытие?**

— Я никогда не задаюсь такими вопросами и не знаю, должен ли писатель вообще ими задаваться. Я занимаюсь тем, что меня волнует. Я говорю то, что хочу сказать, и мне в конце концов неважно, будет ли это воспринято с жадностью или равнодушно. Я обязан перед своей совестью, перед своим пониманием жизни говорить то, что хочу говорить. Нам всем еще предстоит осмыслить и понять блокаду. Она ведь не только в прошлом, но и в настоящем. Когда знакомые из Еревана рассказывали мне, как они пилили и сжигали деревья и скамейки с бульваров, про лампадки, которые давали им свет в отсутствие электричества, я узнавал все. Хотя, казалось бы, прошло полвека.

Беседовал Борислав МИХАЙЛИЧЕНКО

Гранин Даниил 16.12.02